ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Вы знаете, как выглядит облом? А я знаю! Только-только прикурил, а из-за угла Степаныч, собственной персоной и морда хитрющая. Ну, конечно, кто бы сомневался. Чтоб нас и без дела оставили...

- Ну что, пернатые, пригорюнились? Не боись, Дед сам в самоволке! Кому нужен старый бедный прапорщик, это капитан фигура, а прапор, что есть, что нет... - и радостно заржал.

- Степаныч, а чего там происходит то?

- Хотите пойти?

- Да нет! Как-то мы официальные мероприятия недолюбливаем... - качаю головой.

- Да нет там официального мероприятия, просто поп какой-то известный... Говорят, лет десять уже по войскам мотается - Слово Божие несет! Вот офицерье и проявляет уважение... Там сейчас типа проповеди, даже бабы окрестные сбежались. Жутко попик авторитетный. Тьфу ты - ну ты!

- А вы, товарищ прапорщик, смотрю, не любите представителей церкви? - задумчивым голосом спросил Сашка.

- А за что их любить то? Вот ты лично, как к ним относишься?

Санек пожал плечами и все так же задумчиво произнес:

- У нас батюшка хороший был, добрый, сироток подкармливал...

- Вот! Вот, ты сам и ответил, - перебил его Степаныч. - Батюшка! Только мало их на Руси осталось, может только в твоем Красноярске, ну или еще в каких Сибирских городах, а в той же Москве или Питере? Молчишь вот и молчи! - и, махнув рукой, сел напротив нас - на лавочку.

- Степаныч, Степаныч...

- Ну что тебе, сержант!

- Прощу прощения, товарищ старший прапорщик, ничего! - вскакиваю и вытягиваюсь - по стойке "смирно".

- Ох ты ж... Какие мы грамотные, - всплеснул руками прапор, - слова им не скажи. Ладно, чего уж там, что хотел?

- Никак нет! Вопросов не имею!

- Мажор, ты в ухо хочешь?

- Не, Дед, не хочу, - радостно скалюсь во весь рот.

- Вот и добре, - улыбается и показывает рукой: садись мол. - Спрашивай, давай, грамотей.

- Степаныч, без обид, но мне кажется, что у тебя личное, - сказал и замер, прапор не Рогожин, копать за язык не заставит, но может обидеться. А никому из нас это не надо. Не просто так

же, у него позывной - Дед. А мы же любящие внуки… Он нас и лечит и зашивает, когда надо. Пьеро вон учит, травки там, заговоры. Пепел тут умудрился, на тренировке руку раскровить, так Петька пошептал над раной и все - через минуту кровь уже не бежала. Степаныч по возвращении только мазью помазал и пластырем прижал. К сожалению больше способных к этому делу не оказалось... Бездари, как выразился Дед.

Дед? А ведь ему навскидку лет сорок пять не больше. Однако ж, как-то так вышло, что по-другому его никто, никогда не воспринимал...

- Да уж... личное... по-другому не скажешь, - Степаныч покачал головой и грустно так усмехнувшись, продолжил: - Ладно уж, расскажу. Вижу же, что от нетерпения ерзаете. Да и мне, наверное, выговориться не помешает, хотя, вроде, отболело уже...

Пригладил усы, достал сигарету и начал:

- Было это, хлопчики, лет двенадцатьназад, Бориска тогда правил. И приехал в наш полк молодой попик - лет двадцать пять ему было, может чуть больше. Я так думаю, тут без политики не обошлось. Ну да это - не суть важно! Глаза горят, в душе огонь веры! Ну да оно и понятно:только такой и поедет туда, где стреляют. Кто поумней-то на месте сидят, а таких вот отправляют - подвиг во имя веры совершать.

Ух, как он проповеди читал, не знай я, какие они эти попы бывают, точно бы в веру обратился. А так ничего, только грустно стало! Ведь парень то, от чистого сердца старается, а его как бычка неразумного... Фанатик, одним словом!

И тут меня как будто кольнуло. Федька! Младший брат, дружка моего армейского, сколько лет минуло, вот и не признал сразу. Сразу так тоскливо стало, ведь какой парень был: мечтал офицером стать. А что вышло? Фанатик! Эхе-хех...

Тут Степаныч горестно покрутил головой, затянулся пару раз и, сплюнув, продолжил:

- В общем, ушел я... А к вечеру, пошел к нему - поговорить, узнать... Как же так-то? Федька меня сразу узнал, обрадовался:

- Юра, ты? Заходи, заходи, - и глаза светятся, как будто отца родного встретил.

- Здравствуй, Федя, - обнялись.

А он мне и говорит:

- Не Федя я больше, а...

- Стой! Я к брату друга пришел, а не к попу!

- Что ж ты так, сын мой!

- Федя, я сейчас уйду!

- Нет, нет, Юра. Не уходи, прошу тебя.

Ох, хлопчики, дела то какие... Оказывается: стал Федька офицером-то! Стал. Даже повоевать успел не слабо. До старлея дослужился! А тут Сашку убили: моего друга, его брата. Капитаном был. Так же, как и Федька, и мы все - десантником. На последней гранате подорвался, чтоб в

плен не попасть...

Степаныч, резким движением вытер слезы, и, выбросив окурок, зло продолжил:

- А я даже не знал!Так плохо мне стало, как будто предал его... Ну, а Федька после этого ушел из армии и отправился грехи замаливать, за себя и за брата! Какие грехи, хлопцы? Он же солдатом был, а не убивцем каким! И погиб, как герой...

В общем: собрался Федя блокпосты объехать, солдатиков навестить. Наш-то командир уперся, не хотел пускать. Хороший он мужик, правильный - понимал, что не дело это... Вот только: Федька, упрямый оказался - убедил. Ну вот, а меня и еще пару бойцов в сопровождение отправили. Я если честно: сам попросился, ну а командир, не отказал.

Говорит мне:

- Ты присмотри там за ним. Хороший мужик - жалко, если что случится.

В этот момент: Степаныч замер на некоторое время, вспоминая, и продолжил:

- Случилось, хлопчики, случилось... Приехали на блокпост. Все собрались послушать проповедь. Эх, хорошо, все-таки Федька говорил - душевно... Вот только закончить ему не дали. Сук-ки!!! Выбрали же момент! Я бойцов с Федькой оставил, а сам автомат в зубы и помогать...

Степаныч уронив голову на грудь замолчал. Мы, с парнями, затаив дыхание, ждали. И вот наконец-то, словно очнувшись, наш Дед продолжил прерванное повествование:

- Сзади обошли, а там только Федька и мои парни... Серегу сразу наповал. Молодой совсем, девятнадцать еще не стукнуло - мальчишка. Федьку в живот пнули, он и упал, убивать почему-то не стали, а на Кирюху уже двое навалились. Даже выстрелить не успел, прижали к земле, и уже почти нож в живот воткнули. Но тут Федька подскочил и в руку вцепился, тянет на себя, не пускает. Шакал этот, нож из руки выпустил, второй подхватил и в бок ему. Потом оттолкнул, тот прям наСерегу и упал, а бандит Кирилла в живот...

Тут-то Федя и подхватил "калаш"... Вспомнил, что офицером был. Завалил этих двух. Тут-то мы и услыхали, что сзади творится, бросились на помощь. А там уже и гранаты в ход пошли...

А Федька лежит, рану на боку прижал и плачет. Я к нему:

- Феденька, держись скоро подмога придет!

А он, смотрит на меня зелеными глазами и плачет. Думал от боли, ан нет:

- Прости меня, Юра!

- За что же, Феденька?

А он поворачивает голову к куче трупов и говорит:

- Отрока не сберег... Долго я в себе старлея задавить пытался, а виж зря. Не сберег, грех на мне.

- Так тебе же нельзя оружие в руки брать!!!

- Ну и пусть, умер бы офицером... Грех на мне!!!

А я и не знаю, что сказать, хлопцы! Взглядом только вокруг шарю, лишь бы в глаза ему не смотреть... Вдруг вижу, рука шевелится, под двумя трупами! Я туда. Кирюха, дурилка картонная - живой! Нож по обойме в разгрузке скользнул. Вот глубоко и не вошел, он то мне и рассказал потом, что произошло... Я к Федьке:

- Жив, - кричу, - Кирюха жив!

А он так счастливо улыбнулся:

- Есть Бог на свете, есть!

И тут как шандарахнет. Меня на землю швырнуло, в глазах туман, в ушах звон, боль во всем теле...И вот уже теряя сознание, увидел Федю. Он полз ко мне - окровавленный, в изодранной рясе. Полз, загребая одной рукой, а потом замер на миг и рухнул лицом в землю.

В себя я пришел только в госпитале.Сразу скажу, Кирилл остался жив, его трупы спасли, которыми он был завален, почти все осколки им достались. А вот Федька погиб - как офицер погиб, как настоящий десантник, а не, как фанатик - которого из него сделали. За други своя, жизнь отдал!

Степаныч, закрыв лицо руками, глухо произнес:

- А у меня не хватило сил, даже на могилку съездить, матери в глаза посмотреть. Не смог я... Виноват перед ней... Мне как сказали, что Федька умер, так я и попросился, чтоб перевели меня куда подальше. Сломался я. Если бы не встретил тогда, парнишку одного, с такой же пустотой в душе, так, наверное, и не оправился никогда... Спасибо Руслану, к жизни меня вернул...

- Какому Руслану, - не выдержал и так долго молчавший Балагур, - не уж-то нашему?

- Нашему, нашему, - неожиданно лицо Степаныча озарила добрая улыбка. - Какому, же еще! - и хлопнув себя по ногам, скомандовал: - Ладно, хлопцы, берите "лавочку", и айда в казарму... Буду вам чаек на завтра варить. Пьеро, поможешь? Вот и хорошо!

Встали с бревна, все еще пришибленные рассказом Степаныча, и поплелись отдыхать... Ну, по крайней мере, была такая надежда. Кстати: весьма вовремя, из-за угла показалась целая демонстрация, во главе которой вышагивал приезжий поп.

А мы что? Мы ничего! Бревно тащим - стало быть, делом заняты. Рогожин то не всегда рядом, а так, ни у одного офицера язык не повернется остановить и попытаться озадачить. Это чужих касается, местные и так цепляться не будут.

И вдруг из-за наших спин раздается громовой бас:

- Юра? Юра!!! Иванов!!!

Мы аж притормозили. Интересно ведь, кому это наш Дед так понадобился? Возле столовки, от которой мы так и не успели отбежать, стоял здоровенный, бородатый мужик в рясе. Наверное, это и есть приезжий поп - отец Евлампий. И раскинув руки вешал:

- Юрка! Живой! Я ведь похоронил тебя давно!

А наш Степаныч, бледный, с белыми губами шептал:

- Федя, живой, живой!

http://tl.rulate.ru/book/25699/537139